

О ДЕЙСТВИЯХ И НАМЕРЕНИЯХ ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

М.Н.Громов: Уважаемые коллеги! Сегодня мы открываем первое заседание нового теоретического семинара «Проблемы изучения русской мысли», который организован сектором истории русской философии Института философии РАН и который, как мы надеемся, будет носить многоаспектный характер в методологическом, историографическом, тематическом и иных отношениях. Позвольте предоставить слово директору нашего Института академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову, которому мы благодарны за то, что он нашел время почтить нас своим присутствием.

А.А.Гусейнов: Дорогие друзья! Я хотел бы засвидетельствовать вам свое уважение и выразить огромную радость по поводу того, что у нас начинает работать такой семинар. Мы знаем, что изучение русской философии в последние годы сделало огромные успехи, стало одной из важнейших точек роста современной отечественной философии. У нашего Института тоже есть определенные заслуги в этом деле, начиная с совместной с журналом «Вопросы философии» книжной серии «Из истории отечественной философской мысли», положившей начало работе по освоению идеологически табуированных в советские годы страниц русской философии. Можно также отметить ту большую работу, связанную с публикацией первоисточников гуманитарной и научной мысли Древней Руси, которую осуществляет доктор философских наук В.В.Мильков. Мы начали издание Полного собрания сочинений В.С.Соловьева – работу, которая продвигается с трудом, но тем не менее идет, и на сегодняшний день издано уже четыре тома.

В то же время, конечно, мы не можем быть полностью довольны своей работой. Институт пока не стал ведущим центром исследований и дискуссий по русской философии, имеющим такое же значение, как, например, институтские теоретические семинары по философии сознания, синергичной антропологии, по античной и средневековой философии, искусственному интеллекту, которые собирают специалистов из других учреждений и стали своеобразными лабораториями философской работы. Хотелось бы, чтобы это первое заседание получило достойное продолжение, чтобы этот семинар имел большое будущее и, самое главное, чтобы он стал центром более активного вовлечения огромного потенциала русской философии в нашу философию во всем богатстве ее содержания, чтобы русская философия перестала быть делом только узкого круга профессионалов, специализирующихся в этой области знания. Говоря более конкретно, хотелось бы, чтобы это был семинар не только сектора истории русской философии, а всего Института. Ведь мы знаем, что в изучение русской философии в последние годы большой вклад внесли исследователи, которые не числятся по этому узкому «ведомству». Я имею в виду труды члена-корреспондента РАН П.П.Гайденоко, профессоров В.В.Бычкова, Н.В.Мотрошиловой и других. Хорошо, если ваш семинар разовьет интенции русской философии для актуальных сегодня философских дискуссий и поисков.

М.Н.Громов: Спасибо, позвольте предоставить слово нашему уважаемому докладчику – доктору философских наук, профессору РУДН Василию Викторовичу Ванчугову. Тема его доклада – «О действиях и намерениях историка философии в прошлом и настоящем».

В.В.Ванчугов: В своем выступлении я затрону традиционные для моей основной профессии темы: история философии как процесс и «история философии» как версия субъекта о философии в ее прошлом. Также в центре внимания сегодня историография, метод, идеология, а также «информационно-коммуникативная среда» (ИКТ), рассматриваемая некоторыми «специалистами в философии» старшего поколения как дурное влияние современности на старое, доброе, вечное. Но я не могу не принимать ИКТ во внимание, поскольку сам, как профессиональный историк философии, с пользой для дела использую новые технологии. Сразу же хочу отметить, что мое выступление будет обобщением наблюдений, важно высветить ситуацию изменения привычного хода вещей, показать собственное видение происходящего. Раз уж круглый стол дает возможность живого общения, то мне важнее выразить мое переживание относительно академической деятельности, прояснить ключевые моменты и сформулировать принципы дальнейшей деятельности, чем повторять положения из трактатов, демонстрируя академическую вежливость.

Естественный фон нашей профессии – к «истории философии» добавляется очередная «история философии», затем еще, и вот возникает историография – история историй русской философии. Захар Каменский как-то предпринял попытку охватить прежде сделанное, рубрицировать, выявить все смыслы и значения употребления в своей книге «История философии как наука в России XIX–XX вв.»¹, изданной в 2001 г., подводя итоги своей рефлексии относительно процесса историографирования и всего с ним связанного. Этот систематический обзор по поводу «науки истории философии» показал все то же: теория истории философии порождает контртеории, *pro et contra по данному поводу составляют новую историю, эта история* ведет к возникновению метатеорий. В общем, есть чем заняться специалистам в данной сфере.

Как бы то ни было, и нам здесь придется коснуться начальных этапов истории отечественной философии. Архимандрит Гавриил (Воскресенский) в конце своей «Русской философии» обращается к ученым читателям с просьбой присылать ему материалы по теме: «Торжественно просим всех любезнейших и просвещеннейших русских самомыслителей доставить нам их биографии и очерки»²... Но «самомыслители» не откликнулись... И архимандрит Гавриил, как автор, как исследователь, уверенный в прошлом, в философии состоявшейся, отстоящей он него на десятилетия и столетия, в настоящем несколько скован – оно ускользает от него. Настоящее для историка разрознено и даже где-то бессмысленно. Современность плохо отображается в историко-философском исследовании, она менее ясна, чем то, что случилось в прошлом. И это ощущение растерянности при обзоре настоящего знакомо многим историкам чего бы то ни было. Некоторые из них даже склонны обнаруживать признаки вырождения, деградации, вот мол, от века «золотого» дошли мы до «железного». Историк философии бессилен в настоящем, а оно бессильно без знания прошлого.

¹ Каменский З.А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001.

² Гавриил, арх. Русская философия. М., 2005.

К слову сказать, отечественный историк философии нередко испытывал негодование по отношению к настоящему, современности. К этому добавлялось еще и раздражение от недостатка информации о том, что творится повсюду сегодня, в эти дни, в его время, причем в сфере академической. Поразительно, но для описания и анализа прошлого у него, как правило, находилось больше материала, чем о настоящем. И действительно, информационно-коммуникативные условия российского историка философии почти всякий раз оказывались недостаточными: монографии и периодика страдали от цензуры, из оперативных каналов получения информации были почта, записки через посыльных, сплетни, слухи, пересказы, интерпретации, искажаемые то провалами памяти, то неприязнью ретрансляторов.

Историки философии в далеком прошлом – это интеллектуальная элита. Прошлое получает завершение (обретает смысл, оправдательную формулировку) благодаря их работе. Их по пальцам можно пересчитать. Немногочисленность и исключительность. Историк философии тогда – истинный служитель культа прошлого. Среди его «предков» летописцы, историографы, и архимандрит Гавриил наследует их стиль. Он взялся за дело истории русской философии самостоятельно, но серьезно, словно выполняя задачу государственной важности, внимая голосу разума, дерзая превзойти Иоганна Бруккера, автора «Истории философии от начала мира до нынешних времен»³. Он наш Диоген Лаэртский, доморощенный...

Дочувившийся за границей сын дьячка А.В.Галич к обычным философским предметам – логике, психологии, метафизике и этике – присоединил свою историю философии и издал в двух томах «Историю философских систем» (1818–1819 гг.), составленную на основании немецких трудов Захера, Аста, Теннемана и других. Историю философии он определял как историю «покушений человеческого духа решить важнейшие для него задачи с помощью умозрения». «Не все философы, – писал Галич, – имеют в ней право выступать на позорище. Сия честь принадлежит одним предтечам, собственным изобретателям или преобразователям каждой системы; полчища слепых последователей, вольнопартизанов и крикунов могут являться тут не иначе, как в эпизодах»⁴. Чуть позже Н.И.Средний-Камашев напишет: «История философии всех веков есть не что иное, как повторение в разных видах особенных сторон ума, являющихся в так называемых началах философских систем. Начала сии были одни и те же на берегах Инда, в классических странах Греции и в нашей холодной Европе; они должны быть одни и те же, доколе существует человек: иначе начала не были бы началами. Они все общи, ибо и могут быть началами философскими потому только, что заключают в себе основание жизни всего существующего»⁵.

Упомянутый нами ранее, но выступивший на поприще истории философии позже, зато «пионер» летописания русского любомудрия, архимандрит Гавриил считал, что историк философии должен быть «не токмо отличнейшим из философов, но и почти всемогущ и всеведущ. По его манию воскресают из гробов древние философы; по его велению излагают свои мысли Платон, Сократ, Аристотель, Спиноза, Кант и все прочие любомудры по очереди»⁶. Пастор Зедегерольм своим введением к книге «История древ-

³ Бруккер И. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен / Которую с Французского языка перевел с[тудент] В. Колокольников. М., 1785.

⁴ Галич А.И. История философских систем, по иностр. руководствам сост. и изд. Главн. Педагог. ин-та экстраординарн. Проф. Александром Галичем. Кн. I–II. СПб., 1818–1819.

⁵ Средний-Камашев Н.И. Взгляд на историю как науку // Вестн. Европы. 1829. № 4. С. 438.

⁶ Уч. зап. Император. Казан. ун-та. 1837. № 3. С. 3.

ней философии»⁷, давая традиционную периодизацию истории философии (дохристианская и христианская, с дальнейшими более дробными делениями), привел систематизированную библиографию, где упоминается и трехтомный курс лекций по истории философии Гегеля, и «История новой философии» Фейербаха, и труды архимандрита Гавриила... Объем книг по истории философии с каждым годом множился. От автора требовалось все больше усилий, за это дело постепенно берутся специалисты более высокой квалификации (что, впрочем, не избавляет эту науку от присутствия рядом случайных людей, однако те не определяют общий стиль и тон).

Гегель показал, что история философии зависит от философа, ее излагающего. И история философии ему нужна, чтобы убедить современников в истинности своей собственной философии. К «истории философии» с тех пор часто прибегают не только для научения других, взявшихся за философию, но и для целей сугубо личных. При заявленной объективности авторов все субъективно, и история философии позволяет обосновывать любые «проекты». Архимандрит Гавриил пишет 6-ю часть своей «всемирной истории философии» («Русская философия») в контексте триады «православие, самодержавие, народность», демонстрируя современникам многовековую историю отечественного любомудрия. Густав Шпет создает «Очерк»⁸, представляя отечественное любомудрие как нечто неудачное, чтобы покончить с мудрствованием и заняться делом на основе строгого знания об умопостигаемых вещах. Оба автора начинают с принятия христианства и заканчивают одним и тем же временем. Держа «Русскую философию» архимандрита Гавриила при написании своего «Очерка», Шпет изобличает то, что возвеличивал Гавриил, все выворачивая наизнанку, словно устраивая карнавальное разоблачение в сфере идей. И хотя это были два взаимоисключающих проекта, они оба оказались успешны...

Итак, прошлое предстает таким, каким его представляют пишущие о нем. Не доверяете им? Ну, тогда сами беритесь за дело... Ну а тем, кто не решается, можно пролистать другие работы. Идем далее... В.В.Зеньковский фиксирует в истории философии в России движение к созданию идеалистических систем. Советские исследователи отчетливо видят в том же прошлом «материалистическую линию», только вместо Владимира Соловьева апофеоз творчества у них в трудах Владимира Ильича. «Материалистическая линия» проходит красной нитью, словно бикфордов шнур, ведущий к динамиту, создающему революционный взрыв, разрушающий старое, дающий простор новому. Но при всей серьезности задуманного их история философии богата выдумками. Советские исследователи создают многотомный труд, вторгающийся на территорию мифологии, – «Историю философии народов СССР». Но если их на подобные чудеса подталкивала идеология, партия и т. п., то последующая деидеологизация общества не повлияла на тренд: оставаясь даже в пространстве академическом, «история философии» превратилась в чистое искусство, заведенное среди гуманитариев. Образованная публика охотнее всего читает именно «истории философии», избегая прочих философских дисциплин. «История философии» превратилась в интеллектуальное чтение...

Кстати, следует несколько слов сказать об идеологической составляющей работы историка философии. Для историка философии она предстает как наличие в его ментальном мире внешней побудительной силы, сторон-

⁷ Зедергольм К. Введение в историю философии // Зедергольм К. История древней философии. Ч. I. М., 1841.

⁸ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. М., 2008.

него заказчика. Обычно говорят о негативном влиянии идеологий, поскольку они определяются политическими целями и задачами, далекими от целей и задач научных. Но иногда именно идеология и дает «руководящую нить» историку философии, не знающему, на что нанизывать собранные им бусинки мудрости. Многие из еще живущих ныне историков философии так и не состоялись бы в профессии, не окажись они под давлением идеологическим. Оно было для них скорее благом, чем несчастьем. И это относится не только к бывшим советским историкам философии, которые ныне часто бравировуют своей тогдашней независимостью, часто декларативной. Вот пример из далекого прошлого... Возьмем более симпатичную личность, чем советский философ: архимандрит Гавриил создавал свою историю русской философии на фоне «официальной народности», которая придала его работе концептуальность. Я не говорю, хорошо или плохо проявлять такую «отзывчивость» к идеологическому, подмечаю лишь то, что работа состоялась. Идеология – это четко обозначенная система предпочтений, явные доминанты. Сегодня многие историки философии вздохнули бы с облегчением, если бы были обозначены предпочтения, если бы вышестоящие инстанции дали понять, в каком направлении работать. А так им приходится перекачивать бусинки, перетирать друг о друга и вместо создания ожерелий превращать их в пыль.

Как и во всякой науке, особенно гуманитарной, где субъективность определяет объекты и предметы исследования, конституируя в историческом прошлом школы и направления, которых не было, в историко-философской сфере сохраняется конфликт интересов, в целом полезный для этой профессии, поскольку вскрывает диалектическую природу знания. Умысел историка философии (установка сознания, убеждение): объективность, беспристрастность, связность, обусловленность всего смыслом (Логосом), его история философии не просто органическая часть историко-философского процесса, но и логическое завершение его, историческое и философическое проявление Логоса. Но другие историки философии, его конкуренты, могут назвать его труд фантазией. Зато они убеждены в своей объективности, беспристрастности, связности изложения, обусловленности всего сказанного ими смыслом (Логосом) и т. д. и т. п. Они представляют свою историю философии не просто органической частью историко-философского процесса, но и логическим завершением его, историческим и философическим проявлением Логоса и получают результаты прямо противоположные. И что в итоге? «История философии» специалиста А противоположна «Истории философии» специалиста В. Но это не значит, что одна из них непременно ложная. Они разные... Вот и получается, что философия – одна, а истории про нее – разные, противоречивые. И совокупность противоречащих друг другу «историй философии» составляет нашу историографию. Историография требует интеллектуального напряжения. Читатель сталкивается с «историями» философии, а специалист по историографии видит исчезновение четкости представления о философии в ее прошлом. Для пояснения остроты ситуации можно использовать следующее сравнение: один специалист видит сыр, а в нем дырки (большие или малые), а его коллега видит дырки, пустоты, между которыми сыр.

«Универсум» историка философии составляет совокупность личностей, причисляемых к философии, книг, журналов, эпистолий (письма и записочки), мемуаров, официальных документов, институций (университеты, академии), событий исторических, политических, научных, общественно значимых деяний, влияющих на мнение, «дух эпохи», других историй философии (к особому классу относятся учебники, под видом истории философии...

Во всех учебниках воплощен принцип «умеренность и аккуратность»... Знаний они не прибавляют, всего лишь помогают заучивать. Они суть дидактические единицы учебного процесса). И тем не менее, несмотря на свою ничтожность и *sub specie aeternitatis* ненужность, и они часть истории, нечто вроде пыли, которая поднимается, когда повозка мчится по проселочной дороге. Следует отметить, что само рассуждение о сути «истории философии», будь оно удачным или провальным, тут же становится частью истории философии... С одной стороны, все это существует как данность. Эмпирический материал, с которым надо работать. При этом историк философии долгое время уподоблялся творцу – он придает значение достойному, обличает ничтожное; он наделяет события и личности смыслом и статусом, придает им «онтологический вес», решает, кого включать в историю, а кого – нет, либо если кто туда попал, то как обличить его и вычеркнуть. Он творит мир, подобно Саваофу. И словно чтобы подчеркнуть это, первым на сцену истории русской философии вышел архимандрит.

Сегодня «материя» историка философии изменилась. Она сама по себе активна, в том смысле, что сама себя описывает. Она не полагается на последующий исторический суд, беспристрастность историка; она знает, что может быть несправедливый суд, корпоративные интересы, цеховые пристрастия, просто человеческие антипатии. Сегодня все озабочены своей видимостью в глазах общественности, представляемостью и представительностью. Костюм – дело второстепенное, а вот собственная история, история своего философствования – на первом месте. И создается «история философии» личности или «школы» даже тогда, когда собственно и философии у них нет. Но есть место и положение в философском процессе, доступ к ресурсам.

Идеал для историка философии – захватить в своем опусе как можно больший отрезок времени. От «ледяных яиц», от «допотопных» событий, от Адама и Евы, от альфы до омеги. Также он намерен непременно добиться связности событий, придать смысл и единство разнообразию. История для него непременно проявление смысла, длящегося во времени. Сами участники, вовлеченные в историю через повседневность, его не видят, зато это замечает историк философии. И он считает, что он непременно должен это сделать – извлечь из истории философии философский смысл.

Эвристическое значение «истории философии» – привести читателя (ученика) к тому, что автор считает истиной. Сколько авторов, столько и истин. Разнообразие историй привело к релятивизму, скептицизму, агностицизму. Очередное изложение прошлого философии воспринимается не как интерпретация, а как искажение, фальсификация, фокусничество, интеллектуальная игра. В итоге историки философии оказались в объятиях эристики (эристи – искусство спора, диспута и полемики, разрабатывавшееся софистами). В отличие от софистики, эристика строится не на ошибках и подменах, а на убеждении других в своей правоте, о чем и свидетельствует появление очередной «истории философии».

Каждая новая история философии вынуждена считаться с предыдущими историями философии. Не замечать других нельзя. Учет других – научная добродетель в стане историков философии, но она же влечет к дурной бесконечности. Ученость не позволяет усомниться в том, что, если что-то забылось, затерялось за ненужностью, может быть, это так и нужно? Может быть, это и не нужно, если не было востребовано раньше? Стремление восстановить все бывшее во всех мелочах истощило запас творческих сил многих историков философии. И хотя *sub specie aeternitatis* подразумевало

описание универсальной и вечной истины, вне зависимости от текущей действительности, именно последняя задавала тон и не в одном историке философии задавила философа.

Уже Розанов озаботился точностью репрезентации, не давая воли фантазии всяким там историкам. Так и писал: записал на билете, на салфетке, в туалете... Тут мы выходим на тему источниковедения. Современный историк философии имеет дело с такими источниками, как рукопись, рукой написанное (пергамент) – печатная книга / журнал – цифровой формат. Последний становится доминирующим. Первый тревожный сигнал для иного «историка философии»: «А этого в Интернете нет!» И существующий для историка философии субъект словно переходит в разряд небытия. Интернет влияет не только на массовое сознание, но и на философию. Сначала Интернет предстал для философа как совокупность визиток, затем «офисов»: официальное, сухое представительство в глобальной сети того или иного сообщества философов. Затем информационные узлы в Интернете уже как «кабинет»: возникли платформы, благодаря которым появился виртуальный рабочий кабинет. Затем он стал для него как квартира: социальные сети позволили ему демонстрировать процесс мышления, формировать круг общения и влиять на общество, находящееся вне академических стен. Большая часть жизни и мышления смещается в Интернет, он для иных как средство, как условие существования и мысли и даже как мотиватор, стимул к размышлениям. И то, что делается философами в виртуальной среде, так же становится источником для историка философии. В сферу источниковедения попадает виртуальное.

Повседневную жизнь исследователя определяет цифровой формат, электронная форма, представление на экране, мониторе. Он как «оболочка глаза» какого-то всеведущего существа. Соборность сознания, о которой мечтали, почти что получила воплощение: глобальные сети. «Среда обитания» историка философии изменилась. Если острее обозначить грядущие изменения, то можно сказать, что философское сообщество (и гуманитарное в целом) все менее нуждается в посредниках, представляющих смысл прошлого философии и тем самым определяющих задачи для настоящего и будущего, оправдывающих его или уничтожающих. Избегая пафосных образов, все же скажу, что мы имеем дело с новым типом общества. Оно не то, что было во времена архимандрита Гавриила, Радлова⁹, Шпета, Лосского, Зеньковского и др. Это информационное общество.

Что было раньше... Пространство определяло тип коммуникации. Документы (источники) продуцировались и хранились в разных местах, связи между ними минимальные. Дискретность, прерывность. Чтобы установить связи, затрачивалось много усилий: затребовать, поехать, попросить прислать. На тяжелые условия академической жизни жаловался и Шпет: «В публичных библиотеках элементарно нужных книг нет, условия пользования ими – самые неблагоприятные, справочники и каталоги поражают безграмотностью и хаотическим состоянием, издание и переиздание классических авторов и трудов – сплошь и рядом под редакцией самой беззаботной, безответственной и некомпетентной. Постоянно приходилось чувствовать себя в тупике: как добраться до нужного сведения, с чего даже начать? Самые тяжкие испытания и разочарования пришлось вынести при розысках иностранных книг, которые мне так необходимы были для установления <источников> отечественного философствования»¹⁰. Теперь же мы имеем единое

⁹ Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии. Пг., 1921.

¹⁰ Шпет Г.Г. Указ. соч. С. 39–40.

информационное пространство и одномоментность. Не просто все имеется здесь и сейчас (где и прошлое, и настоящее), но все и доступно (ограничения скорее частные, субъективные). Имеется возможность бесконечной конфигурации эмпирического материала.

Здесь не только «изобилие информации», облегчение доступа к ней и ее производству, но и возможности для позиционирования себя, представления результатов своей деятельности. Каждый пишет историю своего философствования, переписывая ее. Раньше философия в процессе историческом уходила, выражаясь языком современных информационно-коммуникативных технологий, в режим offline, и историк философии активировал ее для своих современников, переводил в режим «жизни». Теперь же она постоянно online либо стремится к этому. Если раньше материал (эмпирика) имел лишь потенциальную континуальность, но реальную дискретность, то теперь он континуальный в реальности. Непрерывность, соприсутствие прошлого и настоящего, действующих здесь и там, далеко и близко. Все, что делается в настоящем, фиксируется и сразу же связывается, процесс синхронизации автоматизирован, меньше энергии и времени тратится на рутину. Число связей стремится к бесконечности, и для этого имеются информационно-технологическая база, платформа, позволяющая осуществить идеал «связывания» – одновременность представления обо всем, что делалось и делается.

В системе образования (XVIII век) был «информатор» – наставник, домашний учитель. Сам термин «информация» происходит от латинского слова *informatio* – разъяснение, пояснение; *informare* с латыни – «научать». Информатор отвечал за порядок в голове ученика, и это важная должность при состоянии «разорванности», несвязности текстов. Такими «информаторами» были и историки философии старой школы. Раньше за образ прошлого отвечали единицы (Диоген Лаэртский, наш архимандрит Гавриил и др.), затем десятки, сотни... Теперь все. Они уже в настоящем озабочены своим выигрышным «положением в прошлом», когда наступит будущее. С оглядкой на будущее история делается в настоящем. Раньше «история философии» часто была лишь частью деятельности: субъект занимался разными вещами, в том числе и философией. История философия была побочной деятельностью, так сказать. Архимандрит Гавриил – преподаватель курсов метафизики, на административной работе; Безобразова – текстолог, этик, организатор; Радлов – редактор, библиотекарь; Шпет занимался проблемами гносеологии, психологии, педагогики, преподавал, делал переводы; Зеньковский – педагог, богослов; подобное же у Лосского, Франка и Яковенко. При этом такие авторитетные историки философии, как Шпет, Лосский, Зеньковский, к примеру, сами играли серьезную роль в философии. В советское время появляются исключительно профессиональные историки. История философии – их основная профессия, и на занятия историей философии смотрят как на результат естественного разделения труда, при этом масса специалистов не влияет на философию. Это же относится и к современным специалистам, которые к тому же через «истории философии» скорее самоутверждаются, оправдывают свое существование, чем схватывают эпоху в понятиях, выявляют смыслы и пр. Но есть и положительный эффект от их действий: «история философии» может быть частью интеллектуальной тренировки, упражнений для ума.

Рефлексия по поводу деятельности историка философии в современных условиях дает результаты не только неожиданные, но и не всем желательные. История – об изменяющемся, но и «история философии» как дисциплина не

может быть неизменной, или она исчезнет как вид, как жанр. «История философии» архаична. Многие предпочитают не замечать этого, делать вид, что все идет своим чередом: мол, что бы ни творилось, они все это опишут правильно и направят умы на правильный путь. Куда направляют умы современников историки философии, заострившие перья на исправлениях истории философии, превратив «историю философии» в разновидность словесности, иногда почти что поэтической выдумки, разложенной на сотнях страниц посредством силлогизмов и здравого смысла?

Историки философии исчезают как особое сословие, как особая каста. Теперь «история философии» – удел каждого. И он сам пострадает, если его ретроспекция окажется искаженной. Информационно-коммуникативная среда современного общества означает «смерть истории философии» в ее прежнем понимании. Но констатации «смерти философии» и «истории философии» следует понимать лишь как символические представления смены парадигм. Потребность в истории философии остается, только всяк теперь по-своему реализует ее.

Посмотрим еще раз на базовые элементы процесса создания «историко-философского» произведения прежде и теперь, какие фундаментальные условия имелись тогда и сейчас. Тогда: сакральный тип культуры; метафизика... У людей взгляды на вселенную разные, а у Бога – один. Он единственный ее создатель и восприниматель. Разница в толкованиях имеется у существ относительных. Различия в толкованиях уменьшаются по мере уподобления разума интеллектуалу Логосу. Философ традиционного склада, метафизик, в своем умозрении, где главный объект Бог, приближается к Богу в познании и уподобляется ему посредством логических процедур. Далее: Прошлое раскрывает Начало; Будущее как финал, положительное завершение: царство Божие; коммунизм; социально-антропологическое: есть существа более высокого порядка (последним следует наводить порядок, указывать путь); текстовая среда (дискретность). В итоге – «история философии» предстает как энциклопедия (но располагает знания не по алфавиту, а по «логике», по плану Логоса).

А вот фундаментальные условия сейчас: секулярное сознание большинства участников научного процесса; поликонфессиональность, показывающая относительность религиозных точек зрения; наличие активных связей между всеми происходящими событиями, и они все сохраняются (метаформа – активированные линки в гипертексте); будущее как набор возможных ситуаций; социально-антропологическое: интеллектуально все разные, но информация всех уравнивает, доступ к информации упрощен; текстовая среда – гипертекстовая среда. Здесь новый тип сбора и структурирования сведений: возможность непрерывно править текст посредством самой вики-среды (сайта); легко и быстро размечать в тексте структурные элементы и гиперссылки, форматировать и оформлять отдельные элементы; проявление изменений сразу после их внесения: множество авторов и прочее. В итоге – «история философии» создается в формате «Википедии». Не следует привязываться только к проекту «Википедия»... Здесь речь идет именно о типе формирования текста, о феномене гипертекста – текста ветвящегося или выполняющего действия по запросу; набор текстов, содержащих узлы перехода между ними, которые позволяют избирать читаемые сведения или последовательность чтения. Это такая форма организации материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними, так что, следуя

этим связям, можно получать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты. И каждый сам себе «навигатор» в море контента, выбирающий направление движения, в том числе и в прошлое. И каждый сам себе историк философии. Это его стандартная функция. И если она неисправна, то он лишь себя лишает будущего в философии. И если раньше философ обязан был быть историком философии, следуя интеллектуальному императиву, то сегодня он просто вынужден им быть. В ближайшем будущем «история философия» имеет все предпосылки исчезнуть как отдельная профессия, это будет часть повседневной работы любого, философствующего в новой информационной среде.

Понимаю, что какие-то положения моего выступления могут быть восприняты присутствующими даже враждебно, потому что к ним еще не привыкли. Но я выступаю не для того, чтобы говорить «правильные» вещи, о хорошем сказать хорошее, о плохом плохое. Здесь слишком разнородная публика, чтобы угодить всем. Мой педагогический принцип, оглашаемый студентам: «Умным философия в помощь, а другим – в наказание». Что до профессионального сообщества, то можно видоизменить формулировку, не изменяя принципу: «Мыслителям история философии в помощь, а другим – в наказание»... При всем моем обожании истории философии я не вижу за ней будущего – в том смысле, что она перестает быть уделом особой корпорации и становится одной из функций каждого философа, без чего ему не выжить в условиях нового мира. А выживать надо. Я ведь не хороню историю философии, я пытаюсь сохранить ее применительно к новым условиям. И еще раз... Я лишь высказал предположение о том, что может случиться, с учетом того, что происходит, это только предположение о возможном ходе событий, когда «история философии» становится уделом каждого, исчезая как отдельная профессия. Для кого-то это кошмарный сон, для кого-то желаемое будущее. Поживем – увидим. Ну а наше собрание в любом случае является одним из моментов классической истории философии...

И.А.Михайлов: Мне кажется, то, что предложил уважаемый докладчик, несостоятельно с историко-философской точки зрения. Докладчик апеллирует к очень узкому кругу историй философии, чем и объясняется революционность его выводов. И предложенный им анализ изменений современных технологий ему вряд ли удастся отстоять.

Первая проблема доклада связана с тем, что русская традиция истории философии используется для того, чтобы сделать некоторые выводы о ее состоянии во *всемирном* масштабе. При этом, однако, не учитывается принципиальное различие западной и российской традиций. На многочисленные примеры того, что Вы называете *любомудрием*, я могу указать и в истории западной философии. Могу показать также, в какой мере это «западное *любомудрие*» обнаруживается в философии Нового времени, а его традиция сохраняется вплоть до немецкого Просвещения, в частности до Христиана Вольфа (потом, конечно, ситуация принципиально и радикально меняется). Итак, то, что Вы позволяете себе унифицированно говорить о *любомудрии* и отождествлять его с философией как таковой, а в последующем использовать такое понимание философии в сочетании с историей философии, – большой недостаток.

У меня еще много возражений к высказанным Вами тезисам. К примеру, одна из идей доклада заключалась в том, что в современной философии намечается тотальное стремление или подавляющий интерес к истории философии. С другой же стороны, Вы пытаетесь реинтерпретировать историю

философии таким образом, чтобы показать, что она в себе самой теряет всякий смысл. Вы делаете это с помощью той идеи, что, мол, имевшая место философия есть нечто Одно, тогда как историй философии бывает много различных, друг другу противоречащих. Однако с философской и общеметодологической точек зрения это тоже большая и серьезная проблема. Вы пытаетесь совместить постмодернистские тезисы с такой вот наиболее яркой позицией модернизма. Позиция классической философии, которую называют модернизмом, – это позиция, согласно которой есть Одна Истина, Одна Реальность, Одно Знание (разумеется, я сильно упрощаю). Наконец, модернизм полагает, что существует нечто подобное одному единственному методу, который позволит нам получить доступ к этой реальности.

Больцано, Brentano, Гуссерль высказывали подобные убеждения, один к одному соответствующие Вашему тезису о том, будто есть какая-то единая философия, будто существует единый процесс, к которому можно апеллировать как к объекту и вопрос об адекватном отражении которого мы можем ставить. Итак, это позиция модернизма. Но далее – каким образом Вы совмещаете ее с позицией *постмодернизма*? Рекомендую обратиться здесь к концепции Х.Уайта и Ф.Р.Анкерсмита, которые более удачно обосновывают идею о том, что история философии превращается в серию некоторых рассказов. Они делают это более элегантно и более фундаментально, поскольку дают себе труд *доказать* (ну, конечно, это *они* думают, что доказывают) существование особых «нарративных субстанций» (известная их теория). Они говорят: признание факта, что подобная некая субстанция существует, и рассмотрение существующей практики работы современных историков, принятие в расчет множества интерпретаций, друг другу противоречащих (и тут они приводят как раз ваши аргументы), позволит нам сделать вывод о том, что нечто весьма существенное происходит с самим объектом, о котором высказываются все интерпретации. Дальше дело выбора: одни говорят, что он «не существует», другие – что он «не значим» или что он прекращает свое существование. И вот мне кажется, что Вы в своем докладе соединяете эти два совершенно несовместимых постулата или мировоззренческих принципа. Вы по поводу какого-то из русских историков философии заметили, что он хорошо или неплохо разбирается в прошлом, но испытывает трудности в интерпретации настоящего. Думаю, мне знаком феномен, который Вы имеете в виду. Но мне кажется, Вы интерпретируете его неверно, т. е. Вы закладываете здесь какую-то философскую посылку, за которой стоит «сильное» философское убеждение, и вам не удастся его отстоять.

Вся эта дилемма «модернизма» и «постмодернизма» смягчается благодаря совершенно элементарной с философской точки зрения вещи. Есть такое понятие, как историческая дистанция. Для того, чтобы можно было разбираться в настоящем, оно должно отделиться, отдалиться от нас на некоторое расстояние. Об этом говорил Гадамер, и думаю, эта его идея известна здесь многим. Так вот, идея исторической дистанции разрушает эффект неожиданности вашего доклада. «Не разбираются в настоящем, но хорошо знают прошлое». Что ж, это и понятно. Трудно найти философа, которому удалось бы дать такой анализ современной ситуации, будь то культурной или философской, к которой не было бы претензий. Так что и здесь, мне кажется, за Вашими тезисами стоит какая-то неоправданная предпосылка. Готов показать, что она тоже модернистского плана. Мне кажется, в своем докладе Вы это понятие недостаточно осветили. Оно у Вас такой скороговоркой проходит, что создается иллюзия логической связи там, где ее на самом деле нет.

Посмотрите, как Вы поступаете в вашем докладе. Вы заявляете сначала некоторые *общие* тезисы об истории философии, затем опираетесь на очень узкий ее фрагмент, набор историко-философских исследований в рамках *русской* традиции. Затем опять перескакиваете к тому, что, простите, следует обсуждать отдельно: медийные технологии, интернет-технологии, да и проблеме гипертекста тоже (здесь еще много о чем можно говорить). Нельзя все это привлекать в качестве аргумента, будто бы самого по себе уже доказанного. Вы говорите об изменении функционала, я же не вижу тут никакого изменения, я не понимаю, как ваши утверждения о гипертексте это могут иллюстрировать, – это при всей мифологичности самого понятия гипертекста. Материал, используемый вами для анализа и вывода об истории философии, в целом следует более адекватно анализировать с помощью социологических теорий (школа Н.Лумана и др.)

Повторю: такого характера замечания у меня по всему вашему докладу. Вот более частный пример. Вы говорите, что некие историки философии опираются на один и тот же эмпирический материал, но делают совершенно различные выводы. Однако *философская* проблема заключалась бы в том, как именно понимать сам этот «эмпирический материал». Как понимаете его Вы? Как только Вы начнете это определять, сразу станет ясно, что тут нет того «одного материала», на который ссылаются все. Следовательно, нет и броского противопоставления: материал один, а интерпретаций – невероятное множество.

Последнее, чего я позволю себе коснуться, это сама проблема интерпретации. Такое впечатление, что для вас сама проблема различных интерпретаций есть некое зло. На эту тему можно говорить долго... На этом, однако, я хотел бы закончить и поблагодарить докладчика и организаторов семинара¹¹.

А.А.Гусейнов: Я, конечно, не специалист ни вообще в истории философии ни, тем более в русской. Но тут поставлены общие вопросы, и я хотел бы кратко на них откликнуться. Докладчик на свой манер все же фиксирует, что у нас существует какой-то разрыв между историей философии и философской теорией, что, конечно, вполне соответствует действительности. И этот разрыв надо преодолевать. Но может ли он быть преодолен до такой степени, что станет излишней история философии как особая область философского знания, к чему, как кажется, склонялся докладчик? В докладе было высказано два аргумента в пользу того, почему история философии себя исчерпывает.

Во-первых, история философии поддается различной интерпретации. И действительно, интерпретации истории философии, ее образы многообразны, и спорить тут нечего. Достаточен уже тот пример, который приводился по русской философии. Одни говорят, что она бессистемна, беллетристична, другие доказывают, что она, напротив, развивалась в системных формах. Действительно, то или иное понимание философии зависит от того, что хочет увидеть человек, который на эту историю философии смотрит. В зеркале, как ни смотри, увидишь свое лицо. Вот аргумент. Следовательно, делается вывод, что поскольку то или иное понимание истории философии связано с самим пониманием философии, постольку сама история философии как самостоятельная дисциплина делается излишней.

¹¹ Комментарии И.А.Михайлова к тезисам к настоящему докладу В.В.Ванчугова см.: Михайлов И.А. 14 встречных замечаний к тезисам доклада В.В.Ванчугова «О действиях и намерениях историка философии в прошлом и настоящем» (<http://iph.ras.ru/page16537386.htm>).

Второе возражение заключается в том, что философские проблемы этики, эстетики и других философских наук все равно нельзя понять, если не обращаться к истории философии, и, как считает докладчик, все должны стать историками философии.

Оба аргумента, сами по себе вполне, казалось бы, убедительные, могут вместе с тем стать аргументами против позиции докладчика. Вот Вы говорите, что та или иная интерпретация истории философии зависит от ее понимания. А я могу по-другому сказать, что выработать серьезное понимание философии, выработать некую философскую теорию абсолютно невозможно, не опираясь на историю философии и не отталкиваясь от нее. Я всегда задумывался над вопросом: почему история философии, которая в каждой своей точке является чем-то оригинальным и где, как правило, последующий философ опровергал предыдущего, – почему эта история философии всегда выстраивается в некий ряд, как будто ее кто-то один писал. Ведь Гегель, конечно, совершал какие-то натяжки, но не очень большие, он смог истолковать все предшествовавшее ему философское развитие как некий единый процесс, который вел к его собственной – гегелевской – системе и завершился ею. Почему так получается? Мне кажется, что так получается в значительной степени по той причине, что каждый последующий философ для того, чтобы создать свою серьезную систему, должен был знать предыдущую, хотя бы для того, чтобы не повторять ее, хотя бы для того, чтобы отрицать. Этот аргумент о связи понимания истории философии с пониманием самой философии может быть аргументом в пользу истории философии.

Второй тезис докладчика связан с тем, что отдельные области философского знания нельзя развивать без обращения к истории философии. Это правда, конечно, вне всякого сомнения. Но также правда и то, что, если мы будем рассматривать философские системы с точки зрения отдельных областей (аспектов) философского знания: этики, эстетики, философии религии, мы мало что поймем в них. Если мы будем пытаться, скажем, этику Платона или Аристотеля реконструировать автономно, в отрыве от их целостных философских систем, куда включена эта проблематика, они тоже получатся искаженными. И поэтому путешествие специалиста из той или иной философской области в историю философии, конечно, не может ограничиваться его узкой специальной областью.

Теперь по поводу того, почему история философии не может исчезнуть как специальная область знания, как теоретическая дисциплина. Я не беру ту ситуацию, когда философию исследуют историки и филологи, когда интерпретируются тексты, описываются, реконструируются, комментируются, издаются и т. д. Я беру историю философии как теоретическую дисциплину. Что может она собой представлять и представляет именно в этом качестве? Вот, например, идут споры вокруг русской философии. Действительно ли русская философия как таковая представляет некое качественное своеобразие и, если да, в чем это качественное своеобразие состоит? А ведь это уже теоретическая проблема. Или взять другой вопрос: развитие истории философии – это не линейный процесс, он имеет свои качественные стадии. Ведь античная философия, видимо, как целое имеет свои особенности именно как *античная философия*, точно так же и как вся западноевропейская философия в целом. Философия Нового времени имеет свою специфику, а внутри нее – философия французского Просвещения, немецкая классическая философия и т. д.. Все это можно понять, только занимаясь историей философии, но уже как теоретической проблемой, делая это специальным предметом систематического изучения.

В любом случае, я думаю, та неожиданная постановка вопроса, которая прозвучала в докладе, интересна и полезна. Хотя бы в том отношении, что она призывает нас думать о связи между историей философии и философией в ее теоретическом содержании в том многообразии специализаций и областей, какие сегодня существуют, о том, чтобы эта связь была более органична.

В заключение следующее соображение. У нас в «Философском журнале», который издает Институт, произошел своего рода казус. Мы опубликовали там довольно резкую рецензию А.В.Иванова на труд известного специалиста по истории русской философии профессора И.И.Евлампиева. Евлампиев ответил. Мы ответ его также опубликовали, разделяя его возмущение тоном той рецензии. И в самом деле, в тоне был перебор. Но проблема этикетом и приличиями не исчерпывается. И у нас есть идея открыть на страницах журнала дискуссию: что такое русская философия? И может быть, учитывая те вещи, о которых здесь говорилось, ваш семинар мог бы стать такой базой, которая позволит нам действительно затеять этот разговор. Он, как мне кажется, может быть очень интересным, полезным и необходимым для понимания качественного своеобразия русской философии, ее соотносительности с западноевропейской философией, ее места в мировом философском процессе*.

Н.В.Мотрошилова: Хочу поблагодарить организаторов этого семинара, ибо мы, историки философии, давно уже должны обсудить проблемы истории не одной только русской философии, но истории философии как таковой. Нам давно уже об этом надо поговорить, поговорить остро. В присутствии не только историков философии, но и тех, кто по тем или иным причинам отвергает историю философии – вот так, как ставит вопросы Василий Викторович.

Что зафиксировано? Зафиксирован реальный отрыв философии от истории философии, правда, на отечественном философском поле. Специалисты по философии, не будем говорить о том, плохие они или хорошие, – массовые специалисты, истории философии часто не знают. Более того, некоторые из них уже создали идеологию этого незнания: знать и не надо, нечего там знать. Приводят самые разные аргументы (часть из них воспроизведена в сегодняшнем докладе). К этому можно по-разному относиться. Понятно, что я отношусь к подобному явлению в целом отрицательно. Согласна с целым рядом аргументов Игоря Михайлова. Ряд высказываний Василия Викторовича вызывает у меня, мягко говоря, недоумение. Василий Викторович, ну где Вы видите засилье историко-философской информации? Да ничего подобного, дело обстоит прямо противоположным образом. Философы других специализаций, как правило, не становятся историками философии, потому что это очень специализированное знание. Точно так же, как в разделении точных наук математикой могут пользоваться физики, но чтобы они стали теоретиками математики – как правило, не получается. Да это и не нужно. Есть разделение труда в науке. И в философии есть давнее разделение труда. Зачем ожидать, что каждый философ профессионально будет отвечать на те вопросы, которыми занимаются историки философии. Он будет заниматься исходными для истории философской мысли текстами? Маловероятно. Для этого надо знать языки, надо тщательно и профессионально работать над текстами и т. д. Вот пример: работает в нашем Институте А.А.Столяров. Он издал для нас всех – и давайте скажем ему спасибо – на русском языке корпус текстов стоиков. Это кардинально необходимая и для философии фундаментальная историко-философская работа. Я не буду говорить в этой аудитории, что продан очень специальный исследовательский, притом многолетний, труд, и

* Обсуждение доклада приводится в сокращении.

без его результатов очень трудно обходиться. И не только историкам философии. На подобные тексты с благодарностью опираются этики, культурологи, словом, философы и гуманитарии разных специальностей. Значит, возникает задача выполнить все грамотно, сделать это высокопрофессионально. Что, повторяю, профессиональная работа, как математика. Часть истории философии – это «математика» философии. Она ничем не заместима. Следовательно, кто-то ее должен делать. И, между прочим, люди это делают – в мире постоянно и преемственно идет подобная работа.

Теперь к другому вопросу. Какие еще, помимо названных Василием Викторовичем, есть истории философии? На Западе их очень много. Да и вообще мировые историко-философские исследования существуют, в том числе учебники, иногда многотомные, и они очень востребованы. Многих мы даже не знаем. Кое-какие немногие, и не всегда самые лучшие, мы переводим. В XX в. появилось много довольно хороших учебников по истории философии. Есть работы в других историко-философских жанрах. Например, в Германии есть продолжающиеся историко-философские серии, публикуемые в разных издательствах. Есть серии «Великие мыслители», классики, так сказать. Такие *Handbuch*'и (т. е. книги, которые всегда под рукой, примеры: толстые *Kant-Handbuch* Г.Ирлица, *Hegel-Handbuch* В.Йешке) издаются и переиздаются, потому что пользуются широким спросом. А у нас часто ничего о современной истории философии в мировом смысле не знают. Хуже всего то, что и знать не хотят. Но зато громогласно судят, в смысле – осуждают и отвергают. И не просто судят: в одном из выступлений промелькнуло слово «сжечь»... Значит, геростраты и здесь уже наготове.

Теперь об отечественной истории философии. У нас ни о каком засилье работы в этой сфере говорить не приходится. В сравнении с мировой наукой мы отстаем по многим линиям (о причинах надо говорить особо), хотя кое-что тоже делаем достаточно профессионально. Вот скажем, если нужно познакомиться с античной философией, у нас теперь есть прекрасный словарь по античной философии под редакцией М.А.Солоповой. Я Вам задавала вопрос по поводу восточной философии... В отечественной науке работают уникальные специалисты по восточной философии. Они сделали энциклопедию по индийской философии, сейчас подготавливают энциклопедию по философии буддизма (в настоящее время опубликована – ред.), пособия по китайской, по арабской философии... Скажите, пожалуйста, Вы сами это легко сделаете? Я этого не сделаю. Мы с вами этого не сделаем. А работу нужно осуществить – и все это нужно читать, нужно знать философам, да и не только философам.

М.А.Маслин: Ванчугов говорит не об истории философии вообще, а об истории русской философии, которая сейчас очень востребована. Я являюсь председателем диссертационного совета и наблюдаю рост по экспоненте диссертационных работ по истории русской философии и одновременно снижение количества работ по истории западной философии, что имеет свое объяснение. Но факт есть факт. Неля Васильевна не сможет отрицать, что она сама отчасти переключилась на историю русской философии и блестяще это сделала. Я имею в виду ее книгу «Мыслители России и философия Запада». О чем говорил Ванчугов? Конечно, нужна история философии вообще, история русской философии в частности, но Ванчугов говорит вот о чем. Что история русской философии предстает как «дама, приятная во всех отношениях». Он реально знает историографию. Его кандидатская диссертация защищалась довольно редким образом. Он пред-

ставил толстенную монографию, которая называлась «История философии самобытно-русской», где он все имеющиеся, все сколько-нибудь полезные (а иногда и не очень) историографические концепции по поводу истории русской философии отразил и осветил.

Просто создается впечатление, что эта «дама, приятная во всех отношениях» может представлять и изображать все, что угодно. Вот в этом году мы отмечаем 300-летие со дня рождения основателя нашего университета М.В.Ломоносова. У нас будет конференция, которую мы проводим совместно с Институтом философии РАН, специально посвященная Ломоносову. Покойный Б.М.Кедров называет Ломоносова основоположником передового естествознания и материалистической традиции в России. Но на самом деле не было никакой материалистической традиции в России в XVIII в., и атеизма не было... В действительности Ломоносов – основоположник традиции секулярного философского образования в России, но это не синонимично материализму и атеизму. Таким образом, история философии нужна, поскольку она разъясняет подобные вещи. Пример с Ломоносовым только единичный. В рамках Всемирного дня философии в 2009 году в этой же аудитории был очень интересный Круглый стол, посвященный избавлению от стереотипов в истории философии. Можно привести еще массу примеров, как преодолевались штампы, стереотипы, предубеждения.

Кто работает в вузах, знает, что философия чаще всего преподается как история философии, причем преподается зачастую в каком-то обрезанном, усеченном виде. Соответствующих примитивных учебников – огромное количество. Они написаны в своеобразном жанре «национальные особенности русской религиозной философии», по аналогии с пресловутыми «национальными особенностями» охоты, рыбалки и т. д. Поэтому я согласен с Василием Викторовичем: такая история философии никому не нужна. Вот в этом я вижу рациональное зерно доклада.

А.В.Черняев: История философии – достаточно обширная и сложная отрасль, в которой можно выделить разные методологические уровни. В частности справочно-информационный, эмпирический и теоретический. Думаю, будет не лишним с этой точки зрения оценить, насколько справедливы утверждения нашего докладчика.

Что касается справочно-информационной функции истории философии, то даже на этом уровне современные коммуникативные технологии и прежде всего Интернет пока не создали серьезной альтернативы таким традиционным формам историко-философского просвещения, как учебники и разного рода лексиконы. «Википедия» не в состоянии конкурировать с тематическими энциклопедиями, создаваемыми коллективами ученых-специалистов. Вообще противопоставление одного другому несколько искусственно. Конечно, рывок, произошедший в развитии коммуникативных технологий за последние годы, влечет качественные изменения во многих сферах жизни и деятельности, прежде всего интеллектуальной. Дальнейшие последствия этих изменений нам даже трудно себе представить в полной мере, и боюсь, они могут оказаться значительно масштабнее, чем предсказываемый Василием Ванчуговым «конец истории философии»... Тем не менее технологии, даже самые революционные, – это всего лишь технологии. Интернет сам собой ничего не продуцирует, это по-прежнему делают люди в меру своей компетенции и таланта. А данные качества развиваются через ученичество, т. е. через овладение традицией, наследием, в том числе историографическим. И предполагаемый «сам себе историк философии», которым, по мнению нашего докладчика, сможет

стать каждый, все равно столкнется с теми же методологическими и источниковедческими проблемами, которые решают профессиональные историки философии: как и в библиотеке, как и в архиве, в Интернете информацию тоже надо уметь собирать, «фильтровать» и осмыслять. Только дилетантам-одиночкам справиться с этим адекватно будет значительно сложнее, чем профессионалам, обладающим специальной подготовкой.

Эмпирическая история философии – это конкретная работа с разнообразными источниками и построение на их основе первичных реконструкций (истории создания и дальнейшей судьбы текстов, установление идейных связей и т. д.). Докладчик упомянул известную поэтическую фразу: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи». Работа историка философии – как раз не в последнюю очередь археология того бытийного контекста, в котором рождались философские идеи, создавались философские произведения. Для уяснения последних чрезвычайно важны всякого рода биографические и исторические данные, ибо они очерчивают ситуативное русло, по которому шло развитие любой философии. Но анализ таких предметов – это кропотливая работа для историка-профессионала. Любительский подход тут неуместен.

Наконец, теоретическая история философии. Это высший уровень осмысления, интерпретации, концептуализации. В данном аспекте история философии является одной из форм существования философии. Не просто истории, а именно философии. И здесь тем более далеко не каждый может обойтись собственными силами, без обращения к тому, что предлагают великие мыслители и историки. Это закономерно, ибо людям интереснее знакомиться с историей философии через призму ее концепций, которые созданы выдающимися мастерами своего дела. И вовсе не случайно история философии постоянно переписывается заново: это опыт актуализации наследия прошлого применительно к современности. Для каждой новой эпохи, новой социокультурной ситуации такая работа неизбежно проводится заново. Но она должна делаться на подобающем уровне, должна совершаться людьми, конгениальными предмету, которым они занимаются. А профессионализм – одна из необходимых к тому предпосылок.

На мой взгляд, доклад Василия Викторовича справедливо фиксирует некоторые симптомы и тенденции, характерные для ситуации постмодерна. В частности, это стремление к эмансипации от авторитетов и дисциплинарных рамок, когда критерии и оценки каждый выбирает на свой вкус. Все это есть, но не следует преувеличивать значение подобных тенденций. Равно как не стоит заранее капитулировать перед ними. Как бы то ни было, я убежден, что, если прогноз Ванчугова оправдается (представим себе такое на секунду) и профессиональная история философии станет достоянием прошлого, для культуры в целом это окажется колоссальной потерей.

М.Н.Громов: Уважаемые коллеги! Позвольте подвести некоторые итоги первого состоявшегося заседания нашего нового семинара. Чтобы начать работу активно и придать ей импульс, мы решили пригласить специалиста, который придет говорить нам не успокаивающе приятные вещи, но поставит острые вопросы по поводу статуса историко-философской науки вообще и по поводу изучения отечественной философии в особенности. В качестве такого специалиста перед нами предстал один из лучших знатоков русской философии и ее историографии профессор Василий Викторович Ванчугов. Он сам является профессиональным историком философии, и потому было интересно послушать его по поводу той науки и той корпорации, которую он представляет. И нам действительно было интересно заслушать заострен-

ное, эмоциональное, «самобытно-ванчуговское» (пользуясь его терминологией квалификации отечественной философии как «самобытно-русской») выступление, вызвавшее неоднозначную, но главное – равнодушную реакцию среди присутствующих, на что и рассчитывали организаторы семинара. Всем нам полезно иногда критически посмотреть на самих себя и на дело, которым мы занимаемся. С убедительными контрдоводами выступили Н.В.Мотрошилова и И.А.Михайлов. Состоявшаяся дискуссия показала интерес аудитории к теме выступления и его содержанию. Думается, что большинство коллег не согласилось с категоричным тезисом В.В.Ванчугова о закате историко-философской науки как особой научной дисциплины, но задумалось о ее нынешнем состоянии и насущной необходимости совершенствоваться и соответствовать духу времени. Мы благодарны всем, кто посетил наше заседание.

Публикация подготовлена А.В.Черняевым